

TRENDS AND RISKS OF RADIKALIZATION IN ARMENIAN SOCIETY

Gevorg Poghosyan
*Full member of the NAS RA,
Doctor of Sociology, Professor,
Director of the Institute of Philosophy,
Sociology and Law of NAS RA*

SUMMARY

During especially the past ten to fifteen years radicalism, as a phenomenon related to extremism and terrorism, has become very popular all over the world. The growth of radical orientations is also observed in many post-soviet countries. Armenia, among them for a last quarter of a century of its independence, experienced several outbreaks of political radicalism, which at times grew into the actions that were openly extremist and even of a terrorist nature. The prolonged economic crisis, the blockade of railroads and roads, and communications, migration and unemployment in the republic serve as a fertile ground for the strengthening anti-government and oppositional activities, expanding the protesting electorate. In these conditions, the spread of radical ideas and feelings among the Armenian youth is of particular concern.

Keywords: radicalism, political radicalism, Armenian society, youth movements.

МЕТОДОЛОГИЯ ПРОБЛЕМАТИЗАЦИИ РАДИКАЛИЗМА, ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА

Владимир Осипов
*Кандидат философских наук,
старший научный сотрудник Института
философии, социологии и права НАН РА*

Характерной чертой нового тысячелетия является экстремизм¹, особенно одна из его самых уродливых форм – терроризм. Принимаются декларации и резолюции, разрабатываются и имплементируются национальные, региональные и глобальные планы действий по борьбе с

¹ "Сегодня во всем мире наблюдается подъем экстремизма..." Мартинович Н.В. "Межкультурный диалог как основа толерантности и стабильности." Социологический Альманах. Выпуск 3. Минск, 2012, с.425.

терроризмом и воинствующим экстремизмом. Борьба с этим явлением принимает затяжной характер и ведется с переменным успехом на фоне роста его масштабов, частоты и форм проявления, степени жестокости актов и неразборчивости в средствах.

Эти негативные явления не обошли стороной и постсоветское пространство, где, как отмечает казахстанский философ А. К. Абдина, "...культурно-цивилизационные процессы современности стали сопровождаться, в качестве побочного эффекта, ростом нетерпимости, терроризма, религиозного экстремизма, обострением межнациональных отношений и прочими негативными явлениями"².

Чтобы эффективнее бороться с воинствующим экстремизмом и особенно с таким его проявлением как терроризм, необходимо, прежде всего, выяснить причины, его порождающие, факторы, которые способствуют или препятствуют его возникновению и развитию, формам его проявления и т.д. Неслучайно поэтому в последние годы в повестку дня мирового сообщества встал вопрос о необходимости интенсифицировать исследования указанных феноменов с целью формирования более эффективной, последовательной и согласованной политики и действенных механизмов противодействия и предупреждения. Данный вопрос актуален и для ЕАЭС, где вследствие открытия друг для друга границ странами Союза, являющееся важнейшим фактором интеграции свободное перемещение рабочей силы "создает риски чрезмерного притока в страну ... криминальных и экстремистских элементов под видом рабочей силы, к появлению новых нетрадиционных угроз безопасности для государств-членов"³.

Экспертное изучение выявило, что благоприятной средой для возникновения и укоренения экстремистских настроений являются главным образом политические, социальные, экономические, религиозные (конфессиональные) и межэтнические противоречия и тем более конфликты или даже нарастающие напряженность и раскол в социуме по данным параметрам, что может привести к конфликтам. Также было установлено, что важнейшей предпосылкой для возникновения и распространения экстремизма, его идеологической и эмоциональной базой является радикализм. Именно тот или иной конкретный тип радикализма формирует специфическую модель экстремистских взглядов и практик, структурирует и подпитывает их.

Смысл, содержание и соотношение понятий "радикализм", "экстремизм" и "терроризм"

² Абдина А. К., "О национальной и государственной идентичности Беларуси и Казахстана". Социологический Альманах. Выпуск 3. Минск, 2012, с. 164.

³ Осадчая Г. И., "Евразийский Экономический Союз: Первые итоги интеграционных процессов". Социологический Альманах. Выпуске 8. Минск, 2017, с. 58.

Прежде всего, рассмотрим понятия “радикализм”, “экстремизм” и “терроризм” и как они соотносятся между собой. Исследователи стремятся концептуализировать феномены и отражающие их понятия, но разброс мнений столь велик, что привести их к общему знаменателю практически невозможно. До сих пор фактически отсутствует единая интерпретация, согласованные дефиниции, не разработана методологическая база исследования комплекса явлений, покрываемых терминами (концептами) “радикализм” и “экстремизм”. Так, трудно не согласиться с американскими экспертами Реми Кроссом и Дэвидом Сноу, которые отмечают, что “социологические представления о радикализме и радикалах часто были неопределенными и исчеткими... Эта концептуальная двусмысленность частично объясняется тем фактом, что радикализм и радикалы часто определяются в зависимости от контекста”⁴. Действительно, в разных странах и даже в одной и той же стране, но в разные периоды времени данные понятия могут наполняться различным содержанием, восприниматься и трактоваться по-разному и, соответственно, вызывать к себе разное отношение.

Некоторые радикалы до сих пор пытаются манипулировать первоначальным значением термина, происходящим из его этимологии (от латинского значения “корень”, “истоки”). Они опираются на высказанную одной из самых известных радикальных политических деятелей мира в 1960-1980-х гг. американкой Анжелой Дэвис: “... радикальный просто означает понимание истоков вещей”⁵.

Так, довольно известный сторонник и идеолог современного анархизма Джейф Шантц утверждает, что радикализм – это не стратегия, как часто ошибочно утверждают. Это – существенно важный подход к жизни, позволяющий ориентироваться в современном мире. По его мнению, “быть радикалом означает не ограничиваться лежащими на поверхности считающими самим собой разумеющимися предположениями, слишком легкими объяснениями, неудовлетворительными ответами и панацеями, которые изображают из себя решения проблем”⁶.

Многие современные российские исследователи придерживаются той точки зрения, что радикализм “означает способ мышления и связанную с ним модель поведения, для которых характерны: фундаментализм..., утопизм..., революционизм”⁷.

⁴ Cross, Remy and Snow, David A. “Radicalism within the Context of Social Movements: Processes and Types.” *Journal of Strategic Security*. 2012, Vol. 4, № 4, p. 116.

⁵ См.: Буквально: “хватать вещи за их корень” (“grasping things at the root.”) A Z Quotes www.azquotes.com/quote/73014

⁶ Shantz, Jeff. “In Defense of Radicalism.” *Radical Criminology*, Issue 2, 2013, p. 7.

⁷ Самойлов С. Ф. и Плотников В. В., “Концептуализация понятий социального и политического радикализма и экстремизма”. Вестник Краснодарского университета МВД России, 2015, № 4 (30), с.

Трудно не согласиться с этой характеристикой феномена, но вместе с тем имеет смысл более конкретизировать его и подчеркнуть ряд существенных черт, которые не отражены в приведенном определении.

На наш взгляд, радикализм характеризуется *абсолютизацией "простых" решений* для сложных и многогранных социальных, политических, экономических, межэтнических, религиозных, экологических и иных проблем, *оправданием и идеализацией насилия* как "эффективного" средства прямого и незамедлительного действия, тем самым *иллюзорной надеждой* преодолеть социальную и политическую беспомощность, *отсутствием толерантности и готовности к диалогу и компромиссам*.

В российской политологии превалирует та правильная на наш взгляд точка зрения, что радикализм и экстремизм – это два разных явления. Но относительно того, как они соотносятся друг с другом, - мнения существенно расходятся. Широкое распространение получило представление о том, что радикализм отличается от экстремизма тем, что он проявляется в сфере идей, тогда как экстремизм – в сфере действий. Очень четко эта позиция изложена в статье Л. А. Бенько и В. А. Должикова: "... «Радикализм» как идеологию, как систему определенных политических взглядов недопустимо смешивать с «крайними», экстремистскими формами политических практик".

"... Экстремизм нацелен прежде всего на действие. Радикализм же – это скорее обдуманные мысли по изменению чего-либо, которые, скорее всего, поддерживают общество, но не поддерживает власть"⁸.

С нашей точки зрения, это несколько упрощенное толкование двух феноменов. Практически, предлагается следующая модель интерпретации: радикальные идеи порождают экстремистские действия. Столь узкое определение встречается и в международных документах. Так, в Резолюции Европейского парламента от 25 ноября 2015 года о предотвращении радикализации и вербовки европейских граждан террористическими организациями сказано: "... (Р)адикализация стала термином, используемым для описания явления приобретения людьми

258. Авторы так определяют вышеуказанные элементы: фундаментализм – строгое следование требованиям какой-либо доктрины (религиозной, политической, философской и т.д.); утопизм – представление о возможности построения общества, в котором будут искоренены основные виды социального зла; революционизм – признание неизбежным кардинального и насилиственного изменения имеющихся социальных отношений, закрепляющего их правопорядка. По их мнению, первый элемент устанавливает сущность мира и причину несоответствия ей имеющихся социальных отношений. Второй – указывает на социальный идеал, к которому следует стремиться обществу, а третий – раскрывает метод достижения идеала. "Другими словами, три основных элемента радикализма отвечают на вопросы «что», «зачем» и «как» менять в социальной жизни". Там же.

⁸ Бенько Л.А. и Должиков В.А. , "Радикализм как «угроза» национальной безопасности в современной Российской Федерации". Известия Алтайского гос.университета, 2012, с. 236.

нетолерантных мнений, взглядов и идей, которые могут привести к насильственному экстремизму”⁹.

Действительно, все больше исследователей и политиков-практиков (и не только российских), включая государственных деятелей, склоняются к интерпретации экстремизма исключительно как совокупности определенных действий. Тем самым, идеи, взгляды и их распространение не подпадают под данную интерпретацию экстремизма и относятся – открыто или по умолчанию – к радикализму. Так, в Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом¹⁰ приводится именно такое определение понятия экстремизм: “...«Экстремизм» – какое-либо действие, направленное на насильственный захват ... или ... удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон”¹¹.

Из этого не следует, однако, что радикализм это только радикальные идеи и представления. Он может включать в себя и радикальную деятельность. Российский политолог М.К. Арчаков отмечает, что такая деятельность может быть двух видов: - не связанная с применением политического насилия (акции протеста, несанкционированные пикеты, перекрытия автодорог и т.п.) – и деятельность, в основе которой лежит применение насилия в различных видах (терроризм, геноцид, массовые репрессии и т.д.)¹². Таким образом, “политический экстремизм есть разновидность радикальной деятельности, основанной на применении насилия для достижения политических целей”¹³. Соответственно, с его точки зрения, понятия “радикализм” и “экстремизм” различается не тем, что одно явление охватывает сферу идей, а другое – действия. Эти два явления могут включать в себя обе сферы и тем самым являются пересекающимися. Различие между ними заключается в другом. Итак,

⁹ European Parliament Resolution of 25 November 2015 on the prevention of radicalisation and recruitment of European citizens by terrorist organisations (2015/2063(INI)), p. 3.

¹⁰ Подписана 15 июня 2001 года президентами Республики Казахстан, Китайской Народной Республики, Кыргызской Республики, Российской Федерации, Республики Таджикистан и Республики Узбекистан.

¹¹ Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Статья 1.3. См.: <http://kremlin.ru/supplement/3405>

¹² Арчаков М.К., “Политический радикализм: проблема концептуального осмысливания”. Вестник Амурского государственного университета. Серия: гуманитарные науки. 2010, № 50, с. 72.

¹³ Там же.

согласно М. А. Арчакову, "четким критерием разграничающим политический радикализм и политический экстремизм является применение экстремистами нелегитимного противоправного насилия"¹⁴.

Следует отметить, что опасность радикализма заключается еще и в том, что он может порождать ответный радикализм, усиливая спираль конфронтации, недоверия и противоборства.

Как уже отмечалось, большинство исследователей сходятся в том, что терроризм – это крайнее выражение политического экстремизма. Терроризм – это практика террора, использование насилия и устрашения¹⁵. Именно на этих характеристиках заостряют внимание многие национальные законы о борьбе с терроризмом¹⁶. В международно-правовой сфере, однако, до сих пор нет определения терроризма. В нескольких принятых международных Конвенциях содержатся рабочие определения конкретных видов противоправных действий, на борьбу с которыми направлены эти международно-правовые документы¹⁷, но нет ни одного определения терроризма, террористов или террористических актов. Не

¹⁴ Арчаков М.К., Политический экстремизм в России: Сущность, проявления, меры противодействия. Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. Благовещенск, 2016, с. 50-51.

¹⁵ "...(П)о своему характеру или смыслу акты терроризма имеют целью устрашение населения или противоправное принуждение того или иного правительства или той или иной международной организации к совершению или несовершению каких-либо действий или серьезную дестабилизацию или разрушение основополагающих политических, конституционных, экономических или социальных структур той или иной страны или международной организации." Пreamble to the Convention of the Council of Europe 2005 on the Prevention of Terrorism.

¹⁶ В армянском законодательстве террористическая акция определяется как "непосредственное совершение преступления террористического характера посредством взрыва, поджога, применения или угрозы применения ядерных взрывчатых элементов, радиоактивных, химических, биологических, взрывчатых, токсических, сильнодействующих веществ; уничтожения, повреждения или захвата транспортных средств или других объектов; посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля, представителя национальной, этнической, религиозной или иных групп населения; захвата заложников, похищения человека; создания опасности причинения вреда жизни, здоровью или имуществу неопределенного круга лиц путем создания условий для аварий и катастроф техногенного характера либо реальной угрозы создания такой опасности; распространения угроз в любой форме и любыми средствами; иных действий, влекущих человеческие жертвы, причинение значительного имущественного ущерба или общественно-опасные последствия." Пункт 1 статьи 5 "Закона Республики Армения о борьбе с терроризмом" (Принят 22 марта 2005 г.). В пункте 1 статьи 3 Федерального закона РФ от 6 марта 2006 г. N 35-ФЗ "О противодействии терроризму" терроризм определяется как "идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий".

¹⁷ Например, Международная конвенция 1997 г. о борьбе с бомбовым терроризмом, Международная конвенция 1999 г. о борьбе с финансированием терроризма и Международная конвенция 2005 г. о борьбе с актами ядерного терроризма.

содержится определения и в Европейской конвенции 1977 года о пресечении терроризма и в Конвенции Совета Европы 2005 года о предупреждении терроризма.

Примечательно, что если раньше говорилось о государственном терроризме, то в последние десятилетия на международном уровне говорится только о терроризме негосударственных акторов, применяющих насилие.

Нередко радикализируется сам дискурс о радикализме, экстремизме и терроризме, особенно когда речь заходит об их идеологических основаниях. При этом могут предприниматься также и попытки монополизировать дискурс. Некоторыми авторами все то, что не укладывается в желаемую, “нормативную” для них “рамку соотнесения” (*frame of reference*), в качестве которой у них, как правило, выступает либеральная демократия, заносится в разряд недемократического или даже экстремистского (прежде всего марксизма наряду с фашизмом). Одним из ярких примеров такого подхода служит очень интересная и содержательная статья Майкла Чертффа, который на тот момент был Министром внутренней безопасности США. Он усматривает “ядовитые корни” радикального ислама в “демонической идеологии” западного радикализма и тоталитаризма¹⁸.

Причем, в узкие рамки такого подхода может привести даже абсолютизация прогрессивной идеи устойчивого развития, которая в интерпретации А. Гора коннотирует с концепцией “конца истории” (Френсиса Фукуямы) и как результатом доминирования “открытого общества” над его “врагами” (концепция Карла Поппера). Как подчеркнул белорусский социолог В.Э. Смирнов, “Рассуждать о более справедливых общественных системах в рамках этого дискурса – дурной тон, а о революциях – экстремизм. Вернее, революции могут быть только одни – революции как формы перехода к «открытым обществу», т. е. «цветные» революции”¹⁹.

Формы радикализма

Поскольку в истоках и сущности генезиса и эволюции экстремизма и терроризма заложен радикализм, имеет смысл рассмотреть некоторые его формы.

Исследования выявили разные формы радикализма. Например, выделяются *легальный* и *нелегальный* радикализм. Некоторые исследователи полагают, что крайней формой нелегального радикализма

¹⁸ Chertoff, Michael. “The Ideology of Terrorism: Radicalism Revisited.” *Brown Journal of World Affairs*. Fall/Winter 2008, Volume XV, Issue 1, pp. 12-14, 18-19. Он именует сегодняшних экстремистов и экстремистов начала и середины XX века “интеллектуальными кузнецами” и в обоснование своих идей приводит 4 индикатора: (i) фразеология, используемая сегодняшними экстремистскими лидерами; (ii) неизбирательное насилие; (iii) ужасающее чествование смерти; (iv) полное возвышение власти «идеологически правильного» человека над верховенством закона.

¹⁹ Смирнов В. Э., “Модернизация и социальные инновации: проблемное поле объяснения”. Социологический Альманах. Выпуск 4. Минск, 2013, с. 39-40.

является терроризм и что, находясь вне закона, нелегальный радикализм очень опасен, поскольку тесно связан с насилием и авантюризмом²⁰.

По степени приемлемости применения насилия выделяются умеренные радикалы и экстремисты, а по масштабам, глубине, формам и методам проведения и планируемым результатам предлагаемых и/или осуществляемых социальных, политических, экономических и др. преобразований – реформаторы и революционеры.

Российские исследователи С.Ф.Самойлов и М.Н. Насиров²¹ прежде всего проводят различие между социальным радикализмом (признание приоритета интересов какой-либо социальной группы перед интересами общества в целом)²² и радикализмом политическим (борьба за обладание государственной властью). В социальном радикализме они выделяют идеологический и практический уровни.

Идеологический уровень характеризуется: “- простотой фундаментальной установки, которая сводит человека к какой-либо одной социальной роли или статусу...; – представлением об объективном характере проблем, с которыми приходится сталкиваться индивиду, снятием с него ответственности и переложением вины на внешние обстоятельства; – наличием врага, который является главным виновником социальных проблем (в качестве такового могут выступать эмигранты, капиталисты, иноверцы, коррумпированное чиновничество и т. д.)”²³.

Практический уровень – это проведение различных акций протеста, совершение актов агрессии и вандализма, хулиганских выходок при отсутствии прямой угрозы государственной власти.

У политического радикализма, целью которого является завоевание государственной власти, более широкая социальная платформа, а идеология лучше разработана.

Далее С.Ф.Самойлов и М.Н. Насиров в политическом радикализме выделяют леворадикализм и праворадикализм. С их точки зрения, важнейшими чертами идеологии (принципами) первого являются социализм, интернационализм, антиимпериализм, классовость,

²⁰ См.: “Радикализм политический”. Национальная политическая энциклопедия <http://politike.ru/termin/radikalizm-politicheskii.html>

²¹ Самойлов С.Ф. и М.Н. Насиров, “К проблеме различения понятий социального и политического радикализма.” Общество: Политика, Экономика, Право, 2016, № 2, с. 13-17.

²² Интересно, что эти авторы включают феминизм (наряду с религиозным и экологическим радикализмом, расизмом, этноцентризмом и движением ЛГБТ) в категорию социального радикализма как его разновидность, сформировавшуюся на основе абсолютизации гендерного признака.

²³ Там же, с. 14.

антикапитализм и революционизм, тогда как второго – авторитаризм, национализм, шовинизм, расизм, ксенофобия и фашизм²⁴.

Следует учесть вместе с тем, что радикализм необязательно деструктивен²⁵ и асоциален. При всей его неоднозначности, он выполняет значимую роль в политической жизни любой страны в рамках определенных функций. На каждом этапе развития данного конкретного социума на первый план выдвигаются те или иные функции, тогда как “удельный вес” других может снижаться. Итак, в политическом процессе радикализм выполняет следующие функции:

- сигнально-информационную – оповещает о степени неблагополучия общественно-политической среды;
- разрядки социальной напряженности – служит каналом выхода накопившегося недовольства;
- давления на политические институты, подготовку, принятие и проведение политических решений;
- корректировки политического курса; и
- стимулирования коренных политических изменений, инноваций²⁶.

Источники радикализма и порождающие его причины

Источниками радикализма являются не только неблагоприятная социально-экономическая и политическая среда, но и мировоззренческие и идеологические представления²⁷, техногенные и экологические угрозы, духовные факторы, социально-психологические установки и характеристики личности, интернизованные модели поведения и т.д. Реальный или иллюзорный рост социальной несправедливости и неравенства, расширение

²⁴ См. Там же, с. 14-16.

²⁵ Российский политолог М.Я. Яхъяев разграничивает две основные формы радикализма: конструктивный, который направлен на качественное, революционное, прогрессивное преобразование существующей социальной системы - строительство нового, более совершенного общества, и деструктивный, направленный на сохранение отживших социальных отношений с помощью разрушительных, агрессивных действий. Экстремизм является формой проявления последнего. См.: Яхъяев М.Я., Методологические проблемы исследования экстремизма. (8 ноября 2010 г.) <http://www.ekstremizm.ru/publikacii/izuchenie-i-prognozirovaniye/item/615-metodologicheskie-problemy-issledovaniya-ekstremizma> Такой же позиции придерживается и другой российский политолог Александр Покилько. См.: Покилько А.А., “Экстремизм и радикализм как политологические категории: понятийно-терминологический аппарат”. Молодой ученый, 2013 г., № 11 (58), с. 742.

²⁶ См.: “Радикализм, экстремизм и конфликты в политическом процессе.” http://studme.org/55931/psihologiya/radikalizm_ekstremizm_konflikty_politicheskem_protsesse

²⁷ Выступая в ноябре 2007 года на конференции “Вопрос доверия” Общества редакторов СМИ, бывший в то время главой британской контрразведки МИ-5 Джонатан Эванс заявил, что хотя наиболее заметными проявлениями проблемы терроризма являются атаки и попытки атак, которым подверглись британцы, “корень проблемы – в идеологии” и что указанное “насилие является продуктом гораздо более обширной экстремистской идеологии, чьи основные постулаты – враждебны терпимости и свободе, которые составляют основу (британской) демократии”. Evans, Jonathan. Address to the Society of Editors by the Director General of the Security Service. The Society of Editors' 'A Matter of Trust' conference, Radisson Edwardian Hotel, Manchester. <https://www.mi5.gov.uk/news/intelligence-counter-terrorism-and-trust>

масштабов бедности, безработицы и коррупции, демонтаж системы социальных гарантит, правовая незащищенность личности и собственности, отказ от демократических преобразований и усиление авторитарных тенденций, слабое правовое государство и гражданское общество, дезинтеграция традиционной системы ценностей, латентные и эксплицитные нормативные конфликты, отсутствие доступа к эффективным политическим и образовательным институтам и многое другое являются объективными факторами, генерирующими и укрепляющими радикализм и экстремизм.

Радикализм порождается и невозможностью изменить существующее положение дел демократическими методами, отсутствием каналов для выражения недовольства и нежеланием государственных структур и политических акторов и контрагентов учесть высказанное недовольство. Несспособность властующих элит эффективно решать назревшие в обществе проблемы, найти пути выхода из затяжных кризисов и назревающих или обостряющихся конфликтов тоже является фактором, способствующим радикализации недовольных социальных групп, слоев или отдельных лиц.

Однако, российский политолог Ю. Н. Полтавская придерживается несколько иного мнения. Она подчеркивает, что “основу для появления радикализма как феномена общественной жизни составляет недовольство эффективностью политico-управленческого аппарата государства, но это не может объяснить довольно широкого распространения радикализма. ...катализатором является отсутствие выбора для реализации своих возможностей и исправления «недочетов» в своей жизни, отсутствие государственного заказа на воспитание молодежи, сужение пространства личностного выбора из-за направленности социальных практик на выживание и удовлетворение материальных потребностей”²⁸.

Именно на рассмотрение и изучение этих и других объективных (социально-экономических и политических) и субъективных (идеологических, психологических, культурных) факторов и нацелены усилия многих исследователей.

Поскольку влиянию радикализма особенно подвержена молодежь, прежде всего из социально, экономически и политически депривированных слоев, то неслучайно внимание многих исследователей на постсоветском пространстве привлечено к данной социально-демографической группе.

Представляют интерес результаты исследований украинских политологов, изучавших в этой перспективе молодежь своей страны в бурный период 2013-2014 гг. Так, Евгений Васильчук источником радикализма молодежи наряду с возрастными социально-психологическими особенностями (например, недостаток жизненного и профессионального опыта, повышенная

²⁸ Полтавская Ю. Н., “Радикализм и экстремизм в современной России : политические смыслы”. Известия Саратовского университета. 2012, Т. 12. Сер. Социология. Политология, вып. 2., с. 106.

эмоциональность в восприятии социальной реальности, чрезмерная агрессивность и склонность к противоправному поведению и совершению насильственных действий) считает неудовлетворенность молодежи формами политического участия, масштабом своих реальных политических возможностей и доминирующей в обществе моделью политической культуры. Склонность к аномативному поведению выступает детерминантой саморадикализации, что в итоге приводит к экстремизму. В итоге политолог делает важный вывод о том, что "экстремизм существует в виде антикультурной альтернативы, поскольку из-за своего асоциального содержания он неспособен обеспечивать духовное обогащение личности. Смысловой контекст экстремизма базируется на духовном негативизме, правовом нигилизме, эксплуатации тем насилия, разрушения, социальной деструкции как непременного условия для обновления общественных процессов. Вследствие этого экстремистскую деятельность целесообразно рассматривать как механизм отчуждения индивида от ценностей доминирующей в обществе культуры"²⁹.

В свою очередь Игорь Корж тоже указывает на правовой и моральный нигилизм (господство силы над правом), а кроме того подчеркивает такие источники радикализма, как демонстрация тотального отрицания всех достижений своих предшественников, низкий уровень как общей, так и политической и правовой культуры, отсутствие глубоко укоренившихся в социальном сознании и психологии традиций гражданского общества, демократии в условиях правового государства³⁰.

Российские авторы И.Ш. Мухаметзянов, В.Г. Холоднов и Ф.М. Нуриахметова конкретизируют причины генезиса молодежного радикализма:

- агрессия как имманентное свойство формирующегося сознания и правоспособности;
- несформировавшееся правопонимание и общее социокультурное сознание;
- маргинальный, социальный статус мигрантов (вынужденных переселенцев, выходцев из сельской местности, столкнувшихся с проблемами урбанизации, иностранцев и «экономических мигрантов» и т.д.);
- эмоционально-чувственное, аффективное восприятие близкого окружения, новой социальной группы, в которую трудно интегрироваться;

²⁹ Васильчук Е.О., "Социокультурное содержание молодежного политического радикализма и экстремизма на Украине". PolitBook, 2014, № 3, с. 93-97.

³⁰ Корж И., "Радикализм общественных отношений – угроза безопасности государства". 21-й век. 2013г., № 2 (27), с. 107-108.

- поиск способов самореализации, карьерные устремления, включающие коррупционную составляющую и иные противоправные пути достижения своих целей вплоть до вхождения в криминальные сообщества;
- некритическое, парадоксальное мышление, неумение анализировать причины и последствия своих поступков (или преступков), отсутствие опыта компромисса и толерантности”³¹.

Источником радикальных настроений выступает и ксенофобия - явление, которое воспринимает этническую, религиозную и даже социальную инаковость как угрозу, что пробуждает страх и ненависть и реакцию в виде нетерпимости, отторжения или отчуждения. Особую опасность представляют экстремистские формы ее проявления. По мнению белорусского социолога И. Н. Харитонова, эти формы “включают приверженность крайним взглядам, призывающим к радикальным нетолерантным поступкам, дискриминации, сегрегации и депортации, расизму, фашизму и насилию, групповое и индивидуальное поведение, реализующие данные взгляды”³².

Одним из факторов, которые “подогревают” радикализм и поддерживают экстремизм является нелегитимное и незаконное использование насилия государственными структурами, нарушение фундаментальных прав и свобод человека в отношении лиц и групп, которые подозреваются и/или обвиняются в совершении актов терроризма, принадлежности к запрещенным экстремистским организациям и т.д. Об этом факторе заговорили недавно и в основном косвенно. Так, Европейский парламент в Резолюции от 25 ноября 2015 года о предотвращении радикализации и вербовки европейских граждан террористическими организациями заявляет: “...(Д)олжен быть обеспечен правильный баланс между общественной безопасностью и уважением фундаментальных прав, включая право на безопасность, неприкосновенность частной жизни и на свободу выражения своего мнения, на свободу религии и ассоциаций”³³.

Генеральный Секретарь ООН в своем докладе “План действий по предупреждению воинствующего экстремизма” (декабрь 2015 г.) непосредственно обращается к правительству с призывом в своих усилиях по борьбе с воинствующим экстремизмом соблюдать законность и

³¹ Мухаметзянов И.Ш., Холоднов В.Г. и Нуриахметова Ф.М., “К соотношению понятий «радикализм» и «экстремизм» в процессе формирования правосознания студенческой молодежи.”, Казанский педагогический журнал, 2016, № 6, с. 22-23.

³² Харитонов И. Н., “Кризис политики мультикультурализма и ксенофобия в странах Европы”, Социологический Альманах. Выпуск 3. Минск, 2012, с. 187.

³³ European Parliament Resolution of 25 November 2015 on the prevention of radicalisation and recruitment of European citizens by terrorist organisations (2015/2063(INI)), p. 4.

действовать в соответствии со своими обязательствами по международному праву в области прав человека, а также, в соответствующих случаях, нормами международного гуманитарного права. "Некоторые права не должны нарушаться даже во время введения в государстве чрезвычайного положения, при котором существование нации находится под угрозой"³⁴. К сожалению, пока все эти правильные заявления носят декларативный характер³⁵.

Иначе говоря, государственные структуры сами нарушают закон, создают прецеденты неуважения к верховенству закона, к неотчуждаемым правам человека и т.д. и тем самым содействуют распространению и укоренению радикальных взглядов о том, что решение любых вопросов, конфликтов и т.д. лежит вне плоскости права и законности. Это, вероятно, самый важный момент. Ведь нарушения совершаются представителями правоохранительных органов, уполномоченных государственных структур, которые должны стоять на страже закона. (К сожалению, выражение "нарушитель прав человека (законов и т.д.) - сотрудник правоохранительных органов или других государственных структур" уже не является оксюмороном). Именно это порождает и подпитывает правовой нигилизм и т.д., что является питательной средой для распространения радикальных и экстремистских представлений и идей.

Поскольку радикализм и экстремизм являются перекрывающимися (хотя и не идентичными) понятиями, не удивительно, что многие из продуцирующих их факторов совпадают, но не полностью. Каждый из этих двух феноменов имеет свою специфику, хотя разными исследователями они концептуализируются по-разному. Примером одного из наиболее подробного изучения специфических и дополнительных факторов, генерирующих проявления политического экстремизма, является диссертационная работа М. А. Арчакова. На основе проведенного исследования он приходит к выводу, что "специфические факторы, проявляясь в виде длительного периода социально-экономической нестабильности, ослабления государственной власти и дискредитации ее институтов, возможности бесконтрольного использования нелегитимных технологий управления и идеологической манипуляции

³⁴ "План действий по предупреждению воинствующего экстремизма". Доклад Генерального секретаря ООН. Декабрь 2015 г. Документ ООН A/70/674, с. 7-8.

³⁵ Конкретные факты не упоминаются и виновные не указываются. А ведь хорошо известно, что в борьбе с настоящими или предполагаемыми террористами даже демократические страны иногда не соблюдают международно-правовые нормы и требования национального законодательства. В качестве примера можно привести расследования по проблемам существования тайных тюрем ЦРУ в Восточной Европе, тюрьмы Гуантанамо, использование диктаторских режимов на Ближнем Востоке, применения пыток и т.д. Можно отметить недавние события в Армении, когда ряд СМИ и адвокаты публично утверждали о том, что подсудимые по делу группы "Сасна црср" подвергались насилию и пыткам как в местах лишения свободы, так и в здании суда.

поведением различных социальных групп, характеризуют устойчивую кризисную ситуацию в обществе, порождающую рост проявлений экстремистской деятельности”³⁶.

Борьба с радикализмом и экстремизмом

Как же эффективно бороться с радикализмом и экстремизмом помимо традиционных силовых средств?

Успешно бороться с радикализмом и экстремизмом можно только укореняя толерантность, поддерживая межкультурный, межрелигиозный (или межконфессиональный) и межнациональный диалог в обществе.

Нельзя не согласиться и с мнением Генерального Секретаря ООН, который в уже упоминавшемся докладе заявил, что “создание открытого, справедливого, инклюзивного и плюралистического общества, основанного на полном уважении прав человека и обеспечивающего экономические возможности для всех, представляет собой наиболее весомую и реальную альтернативу воинствующему экстремизму и наиболее перспективную стратегию, направленную на то, чтобы лишить его привлекательности”³⁷.

Питательной средой для радикализма и экстремизма служат разочарование и чувство беспомощности, которые приводят к отчуждению от политических институтов и процессов. Для преодоления этих чувств и отчуждения очень важна демократическая политическая культура – культура демократического, позитивного, конструктивного гражданского участия.

Российский политолог Елена Гундарь характеризует радикализм и экстремизм как нелегитимное манифестирующее, “антимодель” в противоположность демонстрации гражданственности как легитимной “модели”³⁸.

А белорусский социолог С.В. Рыбаков совершенно обоснованно подчеркивает, что гражданская культура – это “отказ от радикальных насилиственных социальных преобразований”³⁹.

Свыше полувека назад Габриэль Алмонд и Сидни Верба в своем ставшем классическим произведении “Гражданская культура: Политические установки и демократия в пяти государствах”⁴⁰ подчеркнули

³⁶ Арчаков М.К., Политический экстремизм в России: Сущность, проявления, меры противодействия. Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. Благовещенск, 2016, с. 77.

³⁷ “План действий по предупреждению воинствующего экстремизма”, с. 4.

³⁸ Гундарь Е.С., “Экстремизм и радикализм как антимодели демонстрирования гражданственности”. Теория и практика общественного развития, № 24, 2015, с. 72.

³⁹ Рыбаков С. В., “Формирование гражданской культуры как системная задача политического процесса в Беларуси”. Социологический Альманах. Выпуск 4. Минск, 2013, с. 162.

⁴⁰ Almond, Gabriel, and Sidney Verba. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1963.

отличие обществ с *парокиальной культурой* (parochial culture - местнической) или *подданнической культурой* (subjectculture) от *общества с культурой участия* (participantculture), где члены общества обладают высокой когнитивной, познавательной, эмоциональной и оценочной ориентацией на политическую систему и воспринимают себя в качестве активных участников политической системы и жизни⁴¹. Для общества и его судеб очень важно соответствие (в их терминологии - "конгруэнтность") между культурой и политической структурой. Ее отсутствие порождает отчуждение, слабое соответствие – апатию и только высокое соответствие порождает преданность (приверженность)⁴².

В отличие от актов обычного хулиганства и вандализма радикальные и тем более экстремистские действия, как правило, являются следствием определенных идей и представлений. Поэтому очень важно вести борьбу не только против конкретных действий и проявлений радикализма и экстремизма, но и против их идеологии и философии. Нужно занимать проактивную позицию, внедряться в соответствующий дискурс и вести борьбу с идеологиями радикализма и экстремизма на их поле, попытаться переформатировать не только контент, но и контекст дискурса. Изучавший соотношение дискурса и власти/влияния голландский эксперт Теун А. Ван Дийк справедливо отметил: "Если дискурс контролирует ум, а ум контролирует действие, то для тех, кто находится у власти, крайне важно в первую очередь контролировать дискурс"⁴³.

Только комплексный подход, сочетающий исследования идеологии и практики радикализма, экстремизма и терроризма с проведением информационно-образовательных кампаний, социальных, экономических и политических реформ с целью дальнейшей демократизации и либерализации всех сфер жизни общества, повышения уровня и качества жизни, расширения прав и возможностей всех социальных слоев, особенно обездоленных и маргинализованных групп, обеспечения равноправного межконфессионального и межнационального диалога, объединение усилий на региональном и глобальном уровне, даст реальный шанс на победу в борьбе с этими уродливыми проявлениями социального зла.

РЕЗЮМЕ

В статье затронуты некоторые методологические вопросы проблематики радикализма, экстремизма и терроризма – крайне негативных социальных и политических явлений, которые не обошли стороной и

⁴¹ См. там же, с 18.

⁴² См. там же, с. 22-23.

⁴³ vanDijk, Teun A. Discourse and Power. Hounds Mills, Basingstoke (UK) and New York, N.Y. (USA): Palgrave Macmillan, 2008, p. 10.

постсоветское пространство. Рассматриваются смысл, содержание и соотношение понятий “радикализм”, “экстремизм” и “терроризм”, источники указанных феноменов и порождающие их причины, а также формы проявления. Борьба с этими явлениями может быть успешной только при проведении политики, нацеленной на развитие культуры демократического, конструктивного гражданского участия, создания справедливого, инклюзивного и плюралистического общества, обеспечивающего равенство прав и возможностей для всех его членов.

Ключевые слова: радикализм, экстремизм, терроризм, демократическое гражданское участие, инклюзивное и плюралистическое общество.

ԱՐՄԱՆԿԱՆՈՒԹՅԱՆ, ԾԱՑՐԱՀԵՂԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ԵՎ ԱՀԱԲԵԿՉՈՒԹՅԱՆ ԽՆԴՐԱԿԱՐԳԻ ՄԵԹՈԴԱԲԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

Վլադիմիր Օսիպով
Փիլիստիայական գիտությունների թեկնածու,
ՀՀ ԳԱԱ Փիլիստիայության, սոցիոլոգիայի և
իրավունքի ինստիտուտի ավագ գիտաշխատող

ԱՍՓՈՓՈՒՄ

Նորվածում անդրադարձ է կատարվում սոցիալական և քաղաքական չափազանց բացասական երևոյթներին, որոնք չեն շրջանցել նաև հետխորհրդային տարածքը, քննարկվում են արմատականության, ծայրահեղականության և ահաբեկչության խնդիրների որոշ մեթոդաբանական հարցեր: Ուսումնասիրվում են «արմատականություն», «ծայրահեղականություն» և «ահաբեկչություն» եզրույթների իմաստը, բովանդակությունն ու հարաբերակցությունը, նշված երևոյթների աղբյուրները, առաջացնող պատճառները և արտահայտման ձեւերը: Այս երևոյթների դեմ պայքարը կարող է հաջողության հասնել միայն այն քաղաքականության դեպքում, որն ուղղված է ժողովրդավարական, դրական, կառուցողական քաղաքացիական մասնակցության մշակույթի զարգացմանը, ինչպես նաև իր բոլոր անդամների համար իրավունքների ու հնարավորությունների հավասարությունն ապահովող արդար, ներառական և բազմակարծ հասարակության ստեղծմանը:

Բանալի բառեր. արմատականություն, ծայրահեղականություն, ահարքեկցություն, ժողովրդական քաղաքացիական մասնակցություն, ներառական և բազմակարծ հասարակություն:

METHODOLOGY OF PROBLEMATIZATION OF THE RADICALISM, EXTREMISM AND TERRORISM

Vladimir Osipov

*Candidate of Philosophical Sciences,
Senior Researcher of the Institute of Philosophy,
Sociology and Law of NAS RA*

SUMMARY

The article addresses a number of methodological issues of the problem area of radicalism, extremism and terrorism – the extremely negative social and political phenomena that have not bypassed the post-Soviet countries. The meaning, content and correlation of the concepts of “radicalism,” “extremism” and “terrorism” are examined as are the sources, root causes and manifestation forms of those phenomena. The fight against the said phenomena can succeed only if the policies are conducted that aim to promote the culture of democratic and constructive citizen participation and to create just, inclusive and pluralistic society that ensures equality of rights and opportunities to all its members.

Key words: radicalism, extremism, terrorism, democratic citizen participation, inclusive and pluralistic society.

ԱՇԽԱՐՀԱՅԱՑՔԱՅԻՆ ԻՆՔԱԿՐԹՈՒԹՅՈՒՆԸ՝ ՈՐՊԵՍ ՀԱՅՈՑ
ՊԵՏԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ԱՄՐԱՊԼԱՆԱՆ ԳՈՐԾՈՒՆ

Էղիկ Վյուրելյան
Փիլիսոփայական գիտությունների թեկնածու, դրցենտ,
ՀՀ ԳԱԱ Փիլիսոփայության, սոցիոլոգիայի և
իրավունքի ինստիտուտի ակադ գիտաշխատող

Մարդկությունը թևակոխել է նոր հազարամյակ ոչ միայն ուղղակի ժամանակագրական իմաստով: Այն նախանշում է ճանաշողության սահմանների աննախադեպ խորացում և ընդլայնում, աշխարհակարգի, աշխարհաքաղաքական հարաբերությունների, տնտեսակարգի,